

ПИСЬМО ИОСИФА АТАБЕКЯНЦА Ф. ЭНГЕЛЬСУ ПО ПОВОДУ ПЕРЕВОДА
НА АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК КОММУНИСТИЧЕСКОГО МАНИФЕСТА

Приведенный ниже текст письма Иосифа Атабекянца к Ф. Энгельсу публикуется впервые. Мною он был подготовлен к печати в 1927 году по снятым на восьми листах фотокопиям, имевшимся в Институте Маркса и Энгельса (ныне ИМЭЛ) в Москве. Подлинник письма, как и большая часть других принадлежавших Марксу — Энгельсу документов, находится в архиве Германской Социал-демократической партии. На листах использованных мною фотокопий указаны страницы листов подлинника: 2689—h. Немецкий текст ответного письма Ф. Энгельса был опубликован Эд. Бернштейном еще в 1903 году¹. В том же году был опубликован его армянский перевод². Русский перевод письма Энгельса вошел в первое издание «Сочинений» Маркса и Энгельса³.

В связи с публикацией письма И. Атабекянца считаю необходимым сообщить некоторые сведения из его биографии и вкратце остановиться на анализе содержания самого письма, представляющего несомненный интерес для истории начального периода формирования марксистской мысли среди армян — в конце 80-х и в начале 90-х годов прошлого столетия.

Достоин внимания, что в ноябре 1894 года, в связи с готовившимся к изданию армянским переводом «Коммунистического Манифеста», Атабекянц обращается к Энгельсу не от себя лично, а от некоей группы лиц, к этому моменту успевшей издать армянский перевод одного из произведений Энгельса под названием «Научный социализм». Под этим необычным названием в том же 1894 году был в самом деле выпущен армянский перевод работы Энгельса, носящей заглавие «Развитие социализма от утопии к науке». Издание это было осуществлено женевским издательством партии Дашнакцутюн.

Следует ли, однако, из этого факта, что публикуемое письмо Атабекиянца отражало настроение дашнакизма в середине 90-х годов? Публикуемое письмо заставляет дать на этот вопрос отрицательный ответ.

В своем обращении к Энгельсу Атабекянц пытается обосновать необходимость развертывания среди армян пропаганды идей научного социализма. Известно, однако, что подобной задачи дашнаки никогда не выдвигали перед собой, и попытка группы молодых армянских приверженцев научного социализма, пользовавшейся типографскими услугами дашнаков для печатания Манифеста, сама по себе еще не отражала общеполитических установок дашнаков и не снимала факта враждебности последних к развертыванию среди армян пропаганды идей марксизма.

Заметим попутно, что оказалось неправильным и делавшееся редакцией «Пролетариати крив» предположение о том, что изданное в 1903 году письмо Энгельса, написанное по поводу армянского перевода «Коммунистического Манифеста», было якобы адресовано редактору газеты «Гнчак» — Аветику Назарбеку. Предположение это, очевидно, основывалось на том факте, что некоторые идеологи гнчакизма в начале 90-х годов воздавали известную дань литературному кокетничанию с идеями научного социализма и что именно в связи с этим и было осуществлено издание армянского пере-

¹ „Dokumente des Sozialismus“, Stuttgart, 1903, Bd. II—III, стр. 562 и сл.

² «Պրոկլետաբիանիկոն», 1903, № 2—3:

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIX, стр. 341.

вода «Коммунистического Манифеста» вышеупомянутым Назарбеком. Публикуемое письмо, носящее подпись Атабекянца, исключает это предположение. У автора письма не было каких-либо связей и с гнчакистами. Иначе не имело бы смысла одновременно с гнчакистами подготовить к изданию новый перевод Манифеста.

Дошедшие до нас конкретные данные об Атабекянце, как и само содержание публикуемого письма, помогают нам выяснить как идейную биографию автора письма, так и его политическую позицию в момент составления письма.

В лице автора письма мы имеем дело с одним из редких представителей армянского народничества 80-х годов, совершавших в момент обращения к Энгельсу, т. е. в середине 90-х годов, определенную эволюцию в сторону марксизма. То обстоятельство, что автор письма позднее отошел в сторону от идей научного социализма и формировавшегося в Закавказье рабочего движения, не может, конечно, послужить опровержением этого положения.

К народничеству примкнул Атабекянц, очевидно, к концу 80-х годов в бытность студентом Петербургского университета, где он обучался два года. В этой связи заслуживают внимания первые же строки письма, где он заверяет, что слова Энгельса дадут необходимый толчок новому делу, пропаганде социалистических идей среди армянского народа, «уже более десяти лет стоящего в революционном движении». Взятые мною в кавычки слова явно указывают на то, что начало пропаганды социализма среди армян автор письма относит не к концу 80-х годов, когда в Армении формировались политические партии и организации для ведения «революционной» работы в Турции, а к началу того же десятилетия, когда на фоне начавшейся в России политической реакции народники-армяне, теряя постепенно не только организационную, но и идейную общность с революционными народниками России, свою социалистическую пропаганду все более и более сливали с национально-освободительным движением армян в Закавказье и Турции. Вышеприведенные слова автора по всей видимости следует отнести к деятельности армян-народников первой половины 80-х годов, создавших среди армянской молодежи, по преимуществу студенческой, — Москвы и Петербурга, группы т. н. «Союза патриотов» («Հայկական Միության») и в своей «свободной типографии» в течение 1881—1884 гг. наладивших печатание нелегального органа этих групп — газеты «Вестник свободы» («Ազատության Ազդարար»). В течение второй половины 80-х годов петербургская группа «Союза патриотов» приступила к выпуску на армянском языке брошюрной литературы, издаваемой в помощь легальной пропаганде идей национально-революционного движения. Наряду с этим в Петербурге и Москве члены «Союза патриотов» вели энергичную работу по привлечению добровольцев-боевиков для развертывания в Турецкой Армении повстанческого движения. Как выясняется из изданной за границей армянской мемуарной литературы, а также из изученного мною судебного дела Кукуняна, организация четнического отряда, руководимого Кукуняном, была целиком связана с деятельностью петербургской и московской групп «Союза патриотов».

В начале 90-х годов Атабекянц перебрался в Германию и завершил свою учебу в Гогенгеймской сельскохозяйственной академии. Здесь он подвергся влиянию идей научного социализма. В Штуттгарте — этом крупном литературном и издательском центре немецкого рабочего движения конца XIX и начала XX вв. — Атабекянц приступил к серьезному изучению марксизма. Здесь же он получил возможность лично сблизиться с рядом известных деятелей германской социал-демократии — Каутским, Цеткин и Парвусом. С участием Атабекянца были составлены воззвания Каутского и Парвуса, опубликованные германской и австрийской печатью по поводу армянских погромов в Турции. Небезынтересно отметить, что в 1895 году в журнале «Neue Zeit» появился ряд заметок за подписью Атабекянца (сокращенно Atb). Позднее, совершив поездку по Италии, он познакомился с Турати, одним из основателей социалистической партии Италии, а также с руководителем крестьянского движения в Сицилии де Феличе, Барбатто и др. Все это не могло не содействовать расширению умственного и политического кругозора молодого Атабекянца. Не является поэтому случайной приписка Каутского в конце публикуемого письма, где он рекомендовал Атабекянца, как серьезного

и усердного товарища, письмо которого, по мнению Каутского, достаточно говорит за автора.

Ярким показателем влияния, оказанного западноевропейскими встречами и занятиями на эволюцию мировоззрения Атабекянца в сторону марксизма, является публикуемое здесь письмо.

С чувством благоговения перед «патриархом» научного социализма и сознанием большой ответственности за адресованные Энгельсу строки, автор письма пытается дать правдивую картину прошлого и современного положения армянского народа. Он ставит перед собой задачу дать марксистскую ориентировку в экономической и политической ситуации как в русском, так и особенно в турецком секторе Армении, уделив главное внимание положению трудящихся и их борьбе с господствующим в стране социальным и политическим гнетом.

Как в Русской, так и в Турецкой Армении, утверждает автор письма, «не успел еще развиться классовый антагонизм, нет резко очерченной массы пролетариата и буржуазии». Указав на начавшийся среди армян процесс зарождения рабочего класса за счет роста отхожих промыслов, автор письма рассматривает это явление лишь как благоприятный момент, могущий способствовать пропаганде идей научного социализма среди широких слоев города и деревни. «Коммунистический Манифест», — заявляет автор, — мы считаем одним из лучших произведений для пропаганды; печатая его, мы, понятно, имеем в виду кроме крестьянской, рабочей массы, главным образом, и городское население, мелких купцов, ремесленников, нашу еще чуткую интеллигенцию и учащуюся молодежь и др.»

Автор письма должно быть имел при этом в виду то высказывание Коммунистического Манифеста, где, характеризуя направленную против буржуазии борьбу «средних сословий» — мелкого промышленника, мелкого торговца, ремесленника и крестьянина — указывается на то, что эти сословия могут быть революционны, «поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата»¹. Атабекянц полагал, что в условиях роста в массе армян революционного движения против султанского деспотизма «было бы огромной ошибкой со стороны социалистов-революционеров не принять в нем участия и не воспользоваться ею для пропаганды социалистических учений». «Мы следуем, — пишет при этом Атабекянц, — словам Коммунистического Манифеста, дающим нам верную нить для нашей роли — поддержать «всякое революционное движение против существующих общественных и политических отношений», понятно не упуская из виду «будущность» революционного движения»².

Эти строки в достаточной мере показательны для общеполитической отсталости той страны, где Атабекянц и его единомышленники полагали развернуть пропаганду идей научного социализма. То было время, когда в России начался процесс вырождения крестьянского социализма и утопический социализм народников начал уступать свои позиции пролетарскому социализму. Письмо Атабекянца знаменует собой один из интересных моментов этого развития. Не выдвигая перед рабочими самостоятельных классовых задач и все же учитывая особую восприимчивость рабочих для пропаганды социалистических идей, Атабекянц полагал использовать это обстоятельство для ведения социалистической пропаганды в мелкобуржуазной и, прежде всего, крестьянской среде Армении, охваченной в первую очередь потоком национально-освободительного движения.

В отличие от армянских национал-народников, в 90-х годах полностью влившихся в буржуазно-националистическое русло этого движения, в ряде пунктов становясь на позиции марксизма, Атабекянц ставил перед армянской демократией последовательно-революционные задачи.

¹ См. Маркс и Энгельс, Соч., изд. 2, т. IV, стр. 431.

² Ср. там же, стр. 458 и сл.

Основной задачей революционного движения армян в России он считал борьбу с царизмом. «Борьба против абсолютизма,— пишет он,— вот тот краеугольный камень, о который наталкиваются все народности Российской империи, этой громадной резервной армии всей европейской реакции». Эти строки отражают, несомненно, влияние, оказанное на автора немецкой марксистской литературой и, прежде всего, мыслей, изложенных Энгельсом в его статье о «Внешней политике царизма».

В ряде пунктов точка зрения Атабекянца расходилась с установками буржуазных националистов и по вопросу об оценке национально-освободительного движения в Турции.

Автор письма набрасывает мрачную картину гнета, испытываемого армянским народом под феодальным или, как он выражается, «аристократическим» игом турок. «Они,— пишет Атабекянц,— искоренили нашу прежнюю аристократию и сами заняли их место, они отняли из рук народа меч, ружье и всякое другое средство защиты и оставили ему лишь плуг». Наряду с гнетом, испытываемым массами армян со стороны турецкой «аристократии», автор письма говорит также и о представителях господствующего эксплуататорского класса армянских капиталистов; представителями последних в Турции он считает армянских ростовщиков и купцов, «которые заодно с разбойничьими курдскими племенами и турецкими пашами грабят и сосут сельское население».

Автор письма видит разницу между кочевой аристократией и оседлыми землевладельцами турецкого народа. «Сегодня,— пишет он,— турецкий народ, так же как и армянский, хотя и не в такой степени, угнетаем турецкой аристократией и деспотическим правительством». Правильно констатировав факт, автор, к сожалению, не делает из него соответствующих политических выводов. Перспективы политических перемен в Турции он ищет в путях не общенародной, а национальной революции. В отличие от положения дел в Российской империи, говорит он, революционное движение в Турции носит характер национально-патриотической борьбы, борьбы за национальную независимость. Надежды на победный исход этой борьбы он возлагает лишь на всеобщее восстание турецких армян, при поддержке со стороны русских армян.

Хотя в противовес идеологам буржуазного национализма, и в частности дашнакам, перспективы завоевания национальной независимости Армении автор не связывает с вмешательством держав, подписавших Берлинский трактат, все же занимаемая им в этом важном вопросе позиция не предохраняла национальное движение армян от перспективы политической изоляции, практически приведшей национальное движение армян к полному поражению. Развитие национального движения турецких армян в концепции Атабекянца не увязано с разворотом общенародного движения в Турции, равно как и с общереволюционным движением народов Европы и Азии, в первую голову обусловленным перспективой победы революции в России. В этом вопросе Атабекянцем не была преодолена ошибочная точка зрения его идейных предшественников — национал-народников 80-х годов.

По существу, на этот изъян политической концепции Атабекянца и было указано в ответном письме Энгельса, ясно понимавшего, что в освободительном движении армян «речь идет об угнетенном народе, который имеет несчастье находиться между Сциллой турецкого и Харибдой русского деспотизма» и указавшего одновременно на победу русской революции, как на исходное условие для освобождения угнетенных народов Европы и Азии.

А. Г. ИОАННИСЯН

Штуттгарт, 1 ноября 1894

*Многоуважаемый**Фридрих Энгельс!*

Намереваясь издать «Коммунистический манифест» в переводе на армянский язык, обращаемся мы к Вам, как автору и Патриарху научного социализма, в надежде, что Вы благословите нас на это благое дело. После напечатания Вашего «Научного социализма» («Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft») мы решились приступить к изданию «Коммунистического манифеста», этого великого, хотя и не объемистого труда, послужившего в истории многих народов одним из первых печатных пропагандистских произведений. Издание «Коммунистического манифеста» на армянском языке, о чем Вы говорите, как о курьезе в III предисловии к пятому немецкому изданию Манифеста, вскоре должно быть будет совершившимся фактом. Несмотря на некоторые трудности, которые представлял Манифест для перевода на армянский язык — все же они преодолены; в переводе мы старались не допускать никаких вольностей, везде строго держась немецкого оригинала. Перевод Манифеста со всеми тремя предисловиями, к которому кроме того будет приложен Устав Интернационала — уже вполне готов к печати и ожидает лишь Вашего соизволения. Если Вы будете так добры, что напишите несколько слов к нашему изданию Манифеста, несколько хоть теплых, сердечных слов, то мы будем Вам весьма и весьма благодарны. Обращаемся к Вам с этой просьбой, зная, что Ваши слова дадут необходимый толчок новому делу, пропаганде социалистических идей среди армянского народа, пожалуй, самого культурного представителя Малой Азии и уже более десяти лет стоящего в революционном движении.

Однако позвольте мне немного, хотя бы в самых кратких чертах, познакомить Вас с современным положением этого азиатского народа. История армян, как Вам известно, связана с историей самых древних народов: ассирийцев, вавилонян, персов, греков, римлян и др. Христианство, проникнувшее в Армению почти при жизни Христа, отразилось очень сильно как в литературе, так и в истории этого народа. Пятый так называемый «золотой век» древней Армении, оставивший нам большую литературу исторического, богословского, философского содержания, служит прекрасным мерилем для тогдашней ее высокой культуры. Армянское государство не играло никогда особенной роли в древней истории; внутренняя, почти федеративная связь армянских провинций, мешала всегда особенной централизации и усилению армянского государства. Бесперывные внутренние распри и войны, которым христианская история дала окраску христианско-религиозных войн — вот все, что узнаем мы из наших исторических книг. С переселением же татарско-монгольских полчищ в Армению ломится и уничтожается многое из древней культуры, и дальнейшее развитие армянского народа останавливается на долгие и долгие столетия.

После потери политической самостоятельности около XIV столетия, Армения попадает под персидское, потом турецкое иго. К началу XIX столетия Армению находим мы в руках трех держав: Турции, России и Персии. Главная часть Армении находится теперь в руках турецкой и русской монархий, потому все внимания наши обращены, главным образом, на русскую и турецкую Армению. В то время как русская Армения от близкого соприкосновения с русской культурой, торговых сношений с Европой и Россией, развития путей сообщения и промышленности — сегодня носит, сравнительно, отпечаток культурности, турецкая — лишенная всех этих условий, окруженная еще доселе различными номадизирующими дикими народностями — далеко отстала от русской Армении.

Тем не менее, как русские, так и турецкие армяне могут быть без всякого преувеличения названы самыми культурными представителями Малой Азии. В деревнях, где еще до сих пор сохранилась общинная форма землевладения — армяне хорошие земледельцы, в городах — предприимчивые, ловкие купцы, ремесленники и представители интеллигенции. Об русской Армении мне нечего Вам здесь что-либо писать, она Вам отлично должна быть известна, ибо история ее так же, как и всякое революционное движение идет параллельно с историей России; борьба против абсолютизма — вот тот красугольный камень, о который наталкиваются все народности Российской империи, этой громадной резервной армии всевропейской реакции. Немного иначе обстоит в турецкой Армении, где революционное движение носит характер национально-патриотической борьбы, борьбы за национальную независимость.

Турки, покорив Армению, сумели обратить армянское земледельческое, культурно высокостоящее население в объект эксплуатации. «Они искоренили нашу прежнюю аристократию и сами заняли их место; они отняли из рук народа меч, ружье и всякое средство защиты, оставив ему лишь плуг». Они нас освободили от воинской повинности, боясь дать нам в руки огнестрельное оружие и заменили ее целой кучей податей. Если в начале в роли сосущего паразита было почти все турецкое население, то со временем это изменилось; турецкое население вынуждено было оставить грабеж и разбойничество, сделаться оседлым, приняться за земледелие и из эксплуататора понемногу превратиться в эксплуатируемого. Сегодня турецкий народ, так же как и армянский, хотя не в такой степени, угнетаем турецкой аристократией и деспотическим правительством.

Положение турецких армян в последние два десятилетия до того ухудшилось, что послужило поводом к большим кровопролитным восстаниям. Несмотря на то, что после русско-турецкой войны (77—78 годов) Берлинским трактатом были предписаны реформы в турецкой Армении (административные реформы, реформы самоуправления и т. д.), они до сегодняшнего дня не последовали; не только, однако, эти обещанные реформы не были приведены в исполнение; наоборот — репрессии, притеснения, прямо, наконец, варварская травля на армянское население возросли в геометрической пропорции. Европейские державы, подписав-

шие этот злосчастный Берлинский трактат, всегда спокойно переносили все эти варварские опустошения турецкого правительства, посылая по нашему адресу от времени до времени несколько платонических выражений сочувствия. Массовые убийства, изнасилования женщин, грабежи и всякого рода варварства, напоминающие собою «болгарские ужасы», заставили турецких армян взяться за оружие и путем всеобщего восстания стараться уничтожить турецкое иго и улучшить свое ужасное экономическое положение. Турецкое правительство тем не менее не только продолжает свои начатые варварства, но и прибегает еще к новым: из разбойничьих курдских племен (номадов) организует казацкие полки, в турецком же населении разжигает его религиозный фанатизм и пригом как тех, так и других травит на беззащитное армянское население. До сих пор все попытки восстать, добиться новых политических форм — не удавались; тем не менее революционное движение все более и более растет, находит большую поддержку среди русских армян, которыми до сих пор было принесено много-много материальных и человеческих жертв. И вот в эти самые минуты, когда пишу Вам эти строки, в центре Малой Азии борются против турецких войск армяне, надеясь сбросить с себя ненавистный гнет турецкого абсолютизма и деспотизма.

Наконец, еще два слова. Рабочие классы — у нас еще очень ничтожный процент — рекрутируются из тех обедневших крестьян, которые, покинув свои деревни, проводят очень долгие годы в изгнании, больших городах, центрах промышленной и торговой жизни; если они возвращаются обратно на родину, что большей частью и бывает, то обыкновенно, они становятся лучшими пропагандистами новых идей. Представителями капиталистического класса, класса господствующего и эксплуатирующего, являются, в особенности в Турции, ростовщики и купцы, которые заодно с разбойничьими курдскими племенами и турецкими пашами грабят и сосут сельское население. Правда, у нас, как в турецкой так и в русской Армении, не успел еще развиться классовый антагонизм, нет резко очерченной массы пролетариата и буржуазии, но тем не менее было бы наивно отрицать наличие различных классовых интересов, экономических контрастов или вообще думать отложить всякую социалистическую пропаганду сегодня, когда революционный поток, вызванный давлением экономического гнета и восточного абсолютизма, так облегчает дело пропаганды и организации крестьянских масс. Теперь, когда турецкие армяне, экономически страшно угнетенные, стоят в революционном движении и когда, благодаря варварским притеснениям, страшному деспотизму турецкого правительства, растет это движение в массе армянского народа, было бы огромной ошибкой со стороны социалистов-революционеров, не принять в нем участия и не воспользоваться ею для пропаганды социалистических учений. Мы следуем словам «Коммунистического манифеста», дающим нам верную нить для нашей роли — поддерживать «всякое революционное движение против существующих общественных и политических отношений», понятно, не упуская из виду «будущности» революционного движения.

«Коммунистический Манифест» мы считаем одним из лучших произведений для пропаганды; печатая его, мы, понятно, имеем в виду кроме крестьянской, рабочей массы, главным образом, и городское население, мелких купцов, ремесленников, нашу еще чуткую интеллигенцию и учащуюся молодежь и др.

Примите уверения в уважении

Иосиф Атабекянец

Adresse: Stuttgart Rothebühl str 150
An Herrn I. Atabekianz

(Приписка рукою К. Каутского):

Lieber General, Atabekianz ist mir als ernster und eifriger Genosse bekannt—das genügt wohl; sein Brief spricht jedenfalls für sich selbst,

mit bestem Gruß dein

Karl.

Перевод: Дорогой Генерал, Атабекянец известен мне как серьезный и усердный товарищ—пожалуй, достаточно и это; его письмо, во всяком случае, говорит за себя.

С наилучшим приветом

твой Карл.

ՀԱՌՄԱՆՈՒՄՍԱԿԱՆ ՄԱՆԻԳԵՍՏԻ ՀԱՅԵՐԵՆ ԹԱՐԳՄԱՆՈՒԹՅԱՆ
ԱՌԹԻՎ ՀՈՎՍԵԲ ԱԹԱԲԵԿՅԱՆՅԻ ՖՐ. ԷՆԳԵԼՍԻՆ ԳՐԱՄ ՆԱԽԱԿԸ
Ա. Գ. ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ

(Ա մ ֆ ո ֆ ու մ)

Հովսեփ Աթաբեկյանցի՝ Ֆր. Էնգելսին գրած նամակը, որի ուսերեն ընագիրը առաջին անգամ լինելով տպագրվում է վերը՝ հանդիսանում է անցյալ դարի 90-ական թվականների հայ հասարակական մտքի պատմության ուշագրավ վավերագրերից մեկը: «Կոմունիստական մանիֆեստի» հայերեն թարգմանության համար համառոտ մի առաջարան ստանալու ակնկալությամբ Էնգելսին ուղղած իր նամակում Աթաբեկյանցը բացահայտվում է որպես մեկը 80-ական թվականների հայ ազգային-ազատագրական շարքերից ելած հայ ստավորականության ռազմական աշխատակիցներից: Որոնք 90-ական թվականների կեսերին տարված էին առն մտքով, թե հայ ազգային-ազատագրական շարժումը պիտի օգտագործվի Ռուսաստանի և Թուրքիայի հայ գյուղական և բաղարային մասսաների մեջ գիտական սոցիալիզմի գաղափարները սրտագանգելու համար: Այս մի ժամանակ էր, երբ նարողների բարոգած գյուղացիական սոցիալիզմը իր գաղափարական դիրքերը սկսում էր զրջել պրոլետարական սոցիալիզմին: Չառաջադրելով հայ բանվորներին ուրույն դասակարգային խնդիրներ, նամակի հեղինակը ենթադրում էր հայ բանվորների միջոցով ազգային-ազատագրական շարժման տարերոտվ ընկած ուսահայ և թուրքահայ գյուղական և բաղարային մասսաներին պատվաստել գիտական սոցիալիզմի գաղափարներ:

Ֆր. Էնգելսը Աթաբեկյանցին առաջադրում էր նամակով, ուր շնորհակալություն հայտնելով Մանիֆեստի հայերեն թարգմանության համար, որոշ նկատառումներով նպատակահարմար շահմանեց հասուկ առաջարան գրել գրքի հայերեն թարգմանության համար: Սակայն, օգտվելով առիթից, նա հայերի ազգային ռազմարկտն սոցառագոման նկատմամբ նշեց դրական իր դիրքավորումը, որը հետագայում ուղենիշ դարձավ նույն հարցի նկատմամբ հայ ռևոլյուցիոն մարքսիստների սկզբունքային վարչագծի մշակման համար: Էնգելսի պատասխանը բանիցս հրապարակվել է հայերեն և մտնել նաև Մարքսի և Էնգելսի «Երկերի» ուսերեն հրատարակության 29-րդ հատորը: